

ANNA MAJNIESKOŁOW

WSP w Bydgoszczy

Мастеру

"КАК УСПИТЕЛЬНА ЖИЗНЬ!.." БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Г е н р и е т т а

Зачем ты едешь?

С е н - Х ю с т

Вскрыть гнойник тоски.

Г е н р и е т т а

Когда вернёшься?

С е н - Х ю с т

К луску грязной крови.

/Драматические отрывки - Пастернак

1965: 530/

И - с тоскою какою-то бешеной -

К преставлению света готовит...

/Определение творчества - Пастернак

1965: 128/

О тоска! Забью, затуплю ее, немсткую, стихами.

/Письма из Тулы - Пастернак 1982: 41/

• • •

1   Как усыпительна жизнь!
      Как откровенья бессонны!
      Можно ль тоску размозжить
      Об мостовые кессоны?

2   Где с железа ночь согнал
      Каплей копленный сигнал,
      И колеблет всхлипы звезд
      В Апокалипсисе мост,
      Переплет, цепной обвал
      Балок, ребер, рельс и шпал.

3   Где, шатаясь, подают
      Руки, падают, поют.
      Из объятий, и - опять,
      Не устанут повторять.

4   Где внезапно зонд вонзил
      В лица вспыхнувший бензин
      И остался, как загар,
      На тупых концах сигар...

5   Это огненный тальпан,
      Полевой огонь бегоний
      Хадно нюхает толпа,
      Заслонив ладонью.

И сгорают, как в стыде,
6 Пыльники, нежнее лент,
Каждый пятый - инженер
И студент /интеллигенты/.

Я с ними не знаком.
7 Я послан богом мучить
Себя, родных и тех,
Которых мучить грех.

8 Под Киевом - пески
И выплеснутый чай,
Присохший к жарким лбан,
Пылающим по классам.
Под Киевом, в числе
Песков, как кипяток,
Как смитый пресный след
Компресса, как отек...
Пыхтенье, сажу, жар
Не соснам разжигать.
Гроза торчит в бору,
Как всажанный топор.
Но где он, дроворуб?
До коих пор? Какой
Тропой идти в депо?

- 9 Сажают пассажиров,
Дают звонок, свистят,
Чтоб копоть послужила
Пустыней миг спустя.
- 10 Базары, озаренья
Ночных эспри и мглы,
А днем в сухой спирее
Вопль полдня и пилю.
- 11 Идешь, и с запасных
Доносится, как всхлики,
И начали стираться
Клохтанья и матрацы.
- 12 Я с ними не знаком.
Я послан богом мучить
Себя, родных и тех,
Которых мучить грех.
- 13 "Мой сорт", кефир, менадо.
Чтоб размяться, мне
Не так уж много надо,
Довольно мух в окне.
- 14 Охлынет поле зренья,
С салфетки набежит,
От поросенка в хрене,
Как с полусонной ржи.

- 15   Чтоб разрыдаться, мне
По край, чтоб из редакций
Тянуло табачком
И падал жар ничком.
- 16   Чтоб шелкали с кольца
Клесты по канцеляриям
И тучи в огурцах
С отчаянья стрелялись.
- 17   Чтоб полдень осязал
Сквозь сон: в обед трясутся
По зову квизисан
Столы в пустых присутствиях,
- 18   И на лоб по жаре
Сочились сквозь малинник,
Где - блеск анжеров,
Где - белый корпус клиники.
- 19   Я с ними не знаком.
Я послан богом мучить
Себя, родных и тех,
Которых мучить грех.

20 Возможно ль? Этот полдень
Сейчас, южной губернией,
Не сир, не бос, не голоден,
Блаженствует, соперник?

21 Вот этот душный, лишний,
Вокзальный вор, валанда,
Следит с соседских вишен
За вышиваньем ангела?

22 Синеет морем точек,
И, низясь, тень без косточек
Бросает, горсть за горстью
Измученной сорочке?

23 Возможно ль? Те вот ивы -
Их гонят с рельс шлагбаумами -
Бегут в объятья дива,
Обращены на взбалмошность?

24 Перенесутся за ночь,
С крыльца вздохнут эссенции
И бросятся хозяйничать
Порывом полотенец?

25 Увидят тень орешника
На каменном фундаменте?
Узнают день, сгоревший
С восхода на свиданьи?

Зачем тоску упрямить,
 26 Перебирая мелочи?
 Нам изменяет память,
 И гонит с рельсов стрелочник.

/Пастернак 1965: 141-144/

Дорожно-поездная композиция, взаимодействующая с сентенциально-экзистенциальной семантикой зачина, позволяет соотносить стихотворение Пастернака с традиционно-поэтическим моделированием человеческой жизни в 'транспортных' категориях, если обратиться хотя бы к двум, как особо созвучным Пастернаку в целом, примерам - Пушкинской "Телеге жизни" /1823/ и "Поезду" Цветаевой /1923/.

Рецепция "Телеги жизни", результировавшая в стихотворении 1931 г. - "Опять Шопен не ищет выгод..." сравнительной конструкцией: "Опять бежать и спотыкаться, *Как жизни тряский дилижанс?*" /Пастернак 1965: 367/, отзывается в разбираемом стихотворении стержневой предикативной парадигмой "колеблет/шатает/трясет" /строфы 2-3-17/. Ее амбивалентная семантика 'укачивания/убаюкивания', с одной стороны, и 'встряски/потрясения', с другой, отвечает хиазмическому двучлену зачина "Как усыпительна жизнь! Как откровенья бессонны!". Семь же 'сна' и 'бдения' синтезируются неким состоянием 'снобдения', имплицитно ключевое для текста стихотворения - "откровение" /ср. у Даля 1979: 732: "Иные верят в откровение через сны и через видения"; "Некоторая степень откровения проявляется в снобдении"/.

Вторая инициальная тема стихотворения, мотивированная сюжетной ситуацией разлуки "Я" с любимой, - тема "тоски" /"Можно ль тоску размножить Об мостовые кессоны?" / вскрывает в "откровении" 'кровеносные' коннотации, подтверждаемые устойчивым мотивом Пастернака, кодируемым "кровоотворением, творением жил, кровопусканием", ср.: "А в наши дни и воздух пахнет смертью: Открыть окно, что *жилы отворить*"; "В окно врвалась повесть бури. Раскрыл, как был, - полуодет /.../ Там - подлинник, здесь - бледность копий. Там все *в крови*, здесь *крови* нет"; "*И в крови* моих мыслей и писем Завелась кошениль" /Пастернак 1965: 177, 106, 154/.

'Погранично-рубежная' аксиология Пастернаковских 'от-кровений/кровоотворений' закрепляется в стихотворении "Как усыпительна жизнь!..." мотивом "моста", переезда через мост поезда, увозящего "Я" от любимой /ср. аналогичную отмеченность разлуки двоих - рассказчика и его возлюбленной, - в "Письмах из Тулы"/. В семантическом соседстве "моста", кодирующего ситуацию 'разлуки/расставания', "мостовые кессоны" выдают ассоциацию с 'кессонной болезнью', в основе которой лежит поражение центральной нервной системы,

главным образом, спинного мозга, обусловленной закупоркой кровеносных сосудов, и которая вызывается переходом из помещения с высоким атмосферным давлением в помещение с воздухом нормального давления.

Семантика 'травмированности мозга' суггерируется здесь "размножением тоски", как за счет этимона глагола "мозжить, можжить" - 'мозг', так и "тоски" как субститута 'головы' на фоне сочетания 'размножить голову' /ср. у Пастернака: "И вселенная стонет от *головокруженья*, Расквартированная наспех в *размноженных головах*" - 1965: 504/.

В контексте 'качания/шатания/трясения' "размножение тоски" имплицитно семантику 'эпилепсии', 'шата', с одной стороны, и 'транса/сомнамбулизма/гипноза', - с другой. Ее закрепляют сквозные 'эпилептические' коннотации 'транспортной' мотивики Пастернака, ср.: "Бьет ся пригород Тьмутараканью в падучей. Это Люберцы или Любань. Это гам шпор и блюдец, и тамбурных дверец, и рам 0 чугунный перрон"; "Мой поезд только тронулся /.../ *Скрипели, бились об землю* Скирды и тополя"; "Мы влюбимся, тогда конец работе, И дни пойдут по гулкой мостовой Скакать через колесные ободья *И колотиться об зень головой*"; "Молдаван сбивается обоз /.../ Запахнешься подлюль полой, Коли он в *падучей* поцелуя..." /Пастернак 1965: 214-215, 122, 313, 501-502/.

'Любовно-тоскливые' контексты Пастернаковских "падучих"/'лихорадок' активизируют 'эпилептические' и 'бредовые' коннотации разбираемого стихотворения в мотивах "жарких, пылающих лбов" в соседстве "компресса", и "малинника" - в соседстве "белого корпуса клиники". В контексте сказанного в обстоятельстве строфы 2 - "В Апокалипсисе" сквозит фоновое - 'в эпилепсии'.

В "Где, шатаясь, подают Руки, падают, поют" /строфа 3/ семантика 'шата' - 'головокружения и обморока, беспамятства, припадка' /Даль 1980: 623-624/ эксплицитно извлекается финализирующим стихотворение - "Нам изменяет память".

Сопряженность "усыпительности", "откровений"/'снобдений' и "размноженности /тоски/" с 'трясением/шатанием/качанием' имплицитно семантику 'транса' и 'сомнамбулизма', как 1, 'психического состояния полусна, отрешенности и ясновидения, напр. во время гипноза' /ср. вариативную эквивалентность 'гипноза' и 'сна', как его греческого этимона, в двух редакциях стихотворения Пастернака "Зеркало": "И вот, в *гипнотической* этой отчизне..." /1922/ и - "И вот, в *усыпительной* этой отчизне..." /1967/; 2. 'кратковременного расстройства сознания, отмечаемого при эпилепсии и травмах головного мозга'.

Осцилляция 'полусонного-полубредового' состояния "Я" определяет симультанно-"кессонную", выражаясь по-Пастернаковски, - "как визионера дивинация" /Пастернак 1963: 171/, пространственную картину мира.

Смена дорожных планов, обусловленная движущейся точкой зрения, дополнительно смещается специальными 'галлюцинациями'. 'Промельк' железнодорожных картинок перебивается, с одной стороны, 'писательски-учрежденческой' интерьерной парадигмой "редакций/канцелярий/присутствий" /строфы 15-16-17/, ренинисирующей, как видно, приближающейся Москвой /по ходу сюжета в цикле и сборнике "Я" возвращается из южной поездки к любимой домой, в Москву/. С другой стороны, "тоска" "Я" галлюцинирует видением его любимой 'за вышиванием под вишнями' "сейчас, южной губернией" /строфы 21-22/; ср. в другом контексте: "Нынче в Спасском с дороги бревенчатый домик Видит, галлюцинируя, та же тоска" /Пастернак 1965: 183/.

'Тайновидением' отмечены и 'цвето-световые' мотивы "зажженных сигар" --> "огненного тальяна" --> "полевого огня бегоний" /строфы 4-5-6/, причем Пастернаковская сближенность цвета/цветка и света вторит народнопозитической семантико-этимологической их связи; ср. еще у Пастернака: "Горят, закапанные воском, Цветы, зажженные дождем"; "Смеркалось, и сумерек хитрый маневр Сводил с полутьмою зажженный релейник"; "Как часто угасавший хаос Багровым папоротником рос!"; "Он и пионы, как сальные свечки, Силится полною грудью задуть" /1965: 455, 355, 177, 522/.

Образный хиазм 'огонь цветка' - 'цветок огня', перекликающийся с традиционным в русской лирике мотивом 'розы-зари' /Муратов 1985: 167/, выдает в стихотворении ассоциации не только с 'отблеском зари', но и с растением, контаминирующим в народном именовании 'свет' и 'цвет', - "горицветом" /"гори-цветом"/.

"Горицвет", именуемый в народе также: "уголек-да-огонек" или "уголек-в-огне", синонимизирует "сон-траву", обладающую в народных представлениях пророческой силой: "Если положить ее на ночь под изголовье, то она покажет человеку его судьбу в сонных видениях, думают также, что всякий, заснувший на этой траве, приобретает способность предсказывать во сне будущее" /Афанасьев 1982: 245/. Эта же семантика, излучаемая 'цвето-световыми' ассоциациями, смыкается с инициальным "откровением" как 'просветлением свыше'.

Подспудная реляция 'огненных цветов' и "откровения" скрепляется и актуализацией в данном контексте названия ряда растений с ярко окрашенными цветами, как роза, анемон, полевой мак, - "цветок Адониса", или "капля крови": от пролитой крови мифического охотника /Koraliński 1985: 17/. Так в "откровении" еще раз проступает семантика 'кровоотворения'.

Эксплицирование "откровений" "Апокалипсисом" в значении Библейских 'откровений пророков' и Евангельского 'Откровения святого Иоанна Богослова', позволяет прочитывать "тоску", и вообще - 'отъезд "Я" от любимой' в 'апокалиптико-эсхатологических' категориях. Так, атрибутивное и предиктивное

'переезда поезда через мост' - 'лязгом железа' /"цепной обвал Балок, ребер, рельс и шпал"/ и 'свистом локомотива' /"с железа ночь согнал Каплей копленный сигнал"/ отвечает на уровне интертекстуальных отношений значениям, сопровождающим явления Бога в Библии - "молниям, громам, гласам" /Отк. 4: 5; Исх. 19: 16; Иез. 1: 4, 13/. 'Громо-гласность' поезда знаменует в стихотворении 'исход ночи' и 'выход в день' также аналогично 'петушиной' сигнализации /ср. данную эквиваленцию в системе Пастернака, получившую тождественное лексическое выражение: 1965: 104-105 и 319/.

"Пыхтенье, сажа, жар" /строфа 8/ перекликается же с "огнем, дымом и серой", выходящими из ртов-пастей коней-львов Откровения Иоанна /9: 17/. Причем "пыхтение", как древнее ономапейческое образование, выдает на уровне этимологии значения 'тяжело дышать', 'дуть', 'свистеть', 'дуновение, ветер', а, соотносясь с формами 'пыхать, пыху', значения 'гореть, полыхать' /Фасмер 1987а: 421/. Ср. постоянное в системе Пастернака предцирование "поезда" "пыхтением", совмещающим и концентрирующим спектр перечисленных значений: "Лишь подан к посадке состав, *И пыхнут* намордники гарпий, Парам глаза нам застав"; "*Пыхтел* пассажирский. И где-то от этого Шараясь, падали призраки пихты. Коптивший рассвет был сновторным" /Пастернак 1965: 69, 86/. Переключку Пастернаковской "сажи/копоти" /"Сажает пассажиров, Дают звопнок, свистят, Чтоб копоть послужила Пустыней миг спустя"/ с Библейским "дымом/серой" также закрепляют этимологические значения "копоти" - 'дуновение, дыхание', 'запах', 'благоухание, благовоние' и 'дым, пар' /Фасмер 1986а: 319/.

'Апокалиптика' и 'эсхатология' прочно увязаны в поэтике Пастернака с 'грозой' и 'предгрозьем', ср.: "Спертость предгрозя /.../ Ночью быть буре. *Виденья*, обратно! /.../ После в Москве мотоцикл тараторил, Громкий до звезд, как *второе пришествие*. Это был мор. Это был мораторий *Страшных судов*"; "и верь Гремящей вслед тебе мигрени! Так *гневу дня* судьба гореть..."; "Степь, как *архангел, трубила в трубу*"; "И небо рыдало над морем, на той странице развернутой, где *за шестой Печатью седьмую печать слонив...*" /Пастернак 1965: 193, 129, 521, 523/.

Грозовая мотивика разбираемого стихотворения сопровождается мотивами "жары/жара" и 'горения/сгорания': "Под Киевом - пески И выплеснутый чай, Присохший к жарким лбам, Пылающим по классам. Под Киевом, в числе Песков, как кипятки, Как смитый пресный след Компресса, как отек..."; "И на лоб по жару Сочились..."; "И сгорают, как в стыде..."; "день, сгоревший С восхода на свиданьи".

"Выплеснутый чай, Присохший к жарким лбам, Пылающим...", "Как смитый пресный след Компресса, как отек..." - несомненно соотносятся в контексте инициального "откровения" с " семью чашами гнева Божия,

вылитыми на землю": "Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях /.../ Второй Ангел вылил чашу свою /.../ и сделалась кровь /.../ Третий Ангел вылил чашу свою /.../ и сделалась кровь /.../ Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной /.../ Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода /.../ Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух /.../ И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение" /Отк. 16/. Ср. также в Библейском пророчестве о судном дне: "Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день /.../. Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного" /Мал. 4: 1, 5-6/

'Гроза' как 'пальба' и 'рубка леса' /"И тучи в огурцах с отчаянья стрелялись"; "Гроза торчит в бору, Как всажанный топор /.../ Но где он, дроворуб?" варьирует также народнопоэтические представления, связанные с грозой. Ср. в книге "Луцидариус": "Откуда бывает гром и молния? Учитель рече: се бывает от сражения облаков; егда четыре ветры от моря придут и сразятся на аер и смесится огонь вкупе и бывает буря сильна, еже и воздух растерзати, и бывает стук велик, его же мы слышим - гром; бывает же в то время молния и исходят на землю падающие стрелки громные и топорки серовидны" /Афанасьев 1982: 78-79/.

'Искомый' "дроворуб" отыскивается же на этимологическом уровне в строфе 23 в "шлагбауме", кумулирующем значения 'удара' /нем. schlag/ и 'дерева' /нем. baum/. Предикативная парадигма 'качание/шатание/трясение', активизирующая апокалиптический смысл 'землетрясения' также выдает в рассматриваемом контексте семантику 'опрокидывания, рубки /деревьев/', заключенную в этимологических связях лексем "качать, качели" - от "катать, катаю" /Фасмер 1986в: 213, 209; см. об этом также Рагуно 1988d: 34/.

'Апостольски-апокалиптические' коннотации распространяет по всему тексту стихотворения и рефренная строфа: "Я с ними не знаком. Я послан богом мучить Себя, родных и тех, Которых мучить грех". Контаминация 'мучительства' и 'мученичества' варьирует важнейшую в творчестве Пастернака тему 'творящего волю его пославшего' /о ее реализации в теме Гамлета см. Пастернак 1982: 396-397 и Иванов 1990/.

С этим связана и трансмутация "тоски" лирического субъекта во внешний мир /ср. Užagević 1990/. Так, если "тоска" реализуется в стихотворении в парадигме 'палача', то от 'тоскующего субъекта отвлекаются "всхлипы/всхнык/вопли/капля-слеза" и передоверяются миру как: "всхлипы звезд", "воплъ полдня и пилю", "капля"- 'слеза' "сигнала"- 'свиста' локомотива, "всхнык" маневрирующего на запасных путях поезда;

"стреляются с отчаянья" же - "тучи в огурцах".

Это 'всемирное' состояние 'ипохондри' исходит и от "мух в окне" /"Чтоб разрыдаться, мне Не так уж много надо, - Довольно мух в окне"/, ибо как компонент языковых выражений общеславянского ареала, "мухи" метафоризируют "поглощенность настроениями, связанными с навязчивыми, подстрекающими, тяжелыми, дурными, грустными и т.п. мыслями /ипохондрический семантический комплекс, свойственный рассматриваемым выражениям в западноевропейских языках/" /Терновская 1984: 125; см. также стихотворение "Мухи мучкапской чайной"/. Ср. эксплицитное наличие лексемы "ипохондрия" в первоначальной редакции стихотворения: "Нас обручили бондари В бочарнях Балашова С широкой ипохондрией И часто недешевой" /Пастернак 1989: 665/.

Повтором рефренной строфы в третий раз заявлена 'доведенность' "тоски" до 'предела', 'оборачивающаяся' 'видением' "ужного мира". Его 'фантомность, фата-морганность' /ср. стихотворение "Сестра моя - жизнь и сегодня в разливе..." и его разбор: Majmieskułow 1990/ задана координатами "сейчас, южной губернией...", а на синтаксическом уровне оформлена посредством ментального /эпистемического/ модуса истинностной оценки /ср. Арутюнова 1988: 123/: "Возможно ль? Этот полдень Сейчас, южной губернией...".

Отношения "Я" и его 'любимой' переведены в этом "возможном" мире в статус отношений "полдня-вора-валандала", как "соперника" "Я", и - его любимой, возведенной, так сказать, в "ангельский" чин. С Апокалиптическим пре-текстом стихотворения соотнесены также и характеристики "полдня-соперника", замещающего и дублирующего "Я", направленные по принципу отрицания к самому "Я": "Не сир, не бос, не голоден, Блаженствует соперник?". Ср. в Откровении Иоанна: "Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его" /16: 15/, причем "тать" также эквивалентизирует на уровне лексики "вора" в значении 'разбойника' /Даль 1978: 243/, и - "Ибо ты говоришь: "я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды"; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг" /3: 17/.

'Отраженно-фантомная' онтология "ужного" мира, как мира "возможного", конституирована "теневой" мотивикой: "Синеет морем точек, И, низясь, тень без косточек бросает, горсть за горстью Измученной сорочке", и - "Увидят тень орешника На каменном фундаменте". Причем в 'вишневой' тени концентрирована любовная семантика стихотворения, кодируемая здесь "измученной сорочкой" /'вышиваемой рубашкой'/ и закрепленная системой Пастернаковской, восходящей к фольклору, эротической символикой "вишен" /ср. хотя бы в "Мухах мучкапской чайной"/. В "тени орешника" же заключена в свернутом виде 'грозовая' мотивика

стихотворения, ибо 'орехи' связаны в европейских народных представлениях, в том числе и у великорусов, с грозовой и громовой стихией /см. стихотворение "Вечерело. Повсюду ретиво..." и его разбор: Фагуло 1988/.

'Видение' "южного" мира эксплицируется в категориях "дива" /"Те вот ивы /.../ Бегут в объятья дива"/, сопрягающего в поэтике Пастернака смыслы 'чуждости' и 'божественности', и посредством фоновой "дивинации" /от лат. *divinatio, onis /divino/* - 1. 'вдохновение свыше, дар прорицания, предвидение, прорицание'; 2. 'божественно, превосходно' / возвращается к инициальному "откровению" как его конкретно реализованное содержание.

Также имплицитная до сих пор семантика 'бредовости' получает выход в эксплицитную "обращенность на взбалмошность" /"Бегут в объятья дива, Обращены на взбалмошность?"/, причем значение 'сумасбродства', смыкающееся у Пастернака с 'мечтательностью' /о мотиве "мечтательницы и сумасбродки" см. работу Фарино 1990/, нагнетается и мотивом "ив". Ибо "ива", занимающая весьма видное место в духовной культуре многих индоевропейских народов, в том числе и славян, и реализованная у Пастернака, в частности, в его Шекспировских вариациях /"Уроки английского"/, актуализующих взаимосвязь ивы и смерти /разработанную в западноевропейской поэзии Рембо, а в живописи - Милле - см. Орел 1988/, синонимизируется в русском, а также других славянских диалектах, названием "бред", "бредина", восходящим к праславянскому диалектизму *bredъ 'ива' /Орел 1988: 28/.

Этимологическая же связь слав. *bredъ 'ива' с глаголом *bredъ 'bresti и, следовательно, объединяющая это название ивы со слав. *bred как обозначением болезненного поведения человека, поддержана тем, что ива растет на сырых местах, стоит в воде, якобы "бредет", "бродит" /там же: 28-29/.

Предиктивное Пастернаковских "ив" "обращенностью на взбалмошность" в контексте поездной кинетики стихотворения /"Те вот ивы - Их гонят с рельс шлагбаумами - Бегут в объятья дива, Обращены на взбалмошность?"/ выдает также смысл движения, повернутого вспять, 'обращения', активизирующего ассоциативную семантику 'возвращения потерянного рая'. Так, заглавное для всего цикла, открывающегося стихотворением "Как усыпительна жизнь!...", "*Возвращение*", имплицитно семантику 'двунаправленности': на фабульно-сюжетном уровне - с юга, из южной поездки; на уровне же 'сущностных' отношений - обратно на юг.

'Возвратно-повторная' семантика дороги лирического "Я" имплицитно в контексте "Апокалиптической" темы стихотворения, как семантемы 'второго пришествия', ключевые для поэтики и эстетики Пастернака категории "второго рождения" и "второй вселенной", как "вторично созданного мира", 'мира искусства' /ср. также: "что человеку негде жить, когда не в мире, созданном вторично" - Пастернак 1965: 529/.

Так, повествуя о 'возвратно-повторном' путешествии "Я", анализируемое стихотворение повествует об "обращенно-взбалмошном" пути к своему рождению, ибо "самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновение, и лучшие произведения мира, повествуя о наиразличнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении" /Пастернак 1982: 229/. Заметим также, что эта сюжетно-смысловая, что касается разбираемого стихотворения, и автоэксplikативная, что касается эстетики "обращенность-'обратность' отвечает на уровне текстопостроения основному конститутивному принципу стихотворной структуры - принципу повтора и возврата.

В этом контексте мотивика стихотворения может быть эксплицирована рекуррентным ходом как трансформативно-поззофорная, обладающая стихогенной семантикой. Стержневое "качание/шатание/трясение" соотносится же с фольклорным и общекультурным смыслом трансформирующего акта колдовских сил, актуализуемым, по наблюдениям Фарина, в "качелях" авангарда, как "катахрестическом локусе, переводящем мир в 'потустороннее' или 'заумное' состояние /Farujo 1988d: 34-35, 39/.

Заметим также, что "возможному" миру - в плане содержания, отвечает в плане выражения модальное оформление строф 20-23 посредством парадигмы вопросительных предложений с анафорическим предикативом "Возможно ль?", моделирующим /в терминах Арутюновой 1988: 123/ ментальный /эпистемический/ модус истинностной оценки. Его возврат и повтор в начальном "Можно ль /тоску размножить/?" указывает инициативную роль "размножения тоски" в выдаче 'отраженно-фантомного' мира стихотворения.

Так, "размножение", наряду со сквозными Пастернаковскими "/раз/-дроблениями", "растворениями", "рассыпаниями", как и "сгоранием", функционирует как семиотический трансформатор, переводящий его мир из одного онтологического статуса в другой - поэтически-сочиненный, отраженно-"стенописный", мечтательно-бредово-сущностный /ср. Majmieskułow 1988 и 1990/. Ср. в этой связи мотивную переключку разбираемого стихотворения и след. пассажа эстетической декларации Пастернака - "Несколько положений" /1919, 1922/, призванной комментировать сборник "Сестра моя - жизнь": "Но заводит порою глаза и *при быстро поднимающейся температуре крови* слышать, как мах за махом, напоминая *конвульсии молний* на пыльных потолках и гипсах, начинает ширять и шуметь по сознанию *отраженная стенопись* какой-то *нездешней, несущейся мимо* и вечно весенней *грозы*, это уж чистое, это во всяком случае - чистейшее *безумье!*" /Пастернак 1982: 113/.

Перевод "тоски" из мира 'жизненно-житейских' отношений в мир "откровений"-'наитий/вдохновений' стимулируется в стихотворении "сигналом", варьирующим Пастернаковский поэзофорный "свист", ср. в

"Определении поэзии": "Это круто налившийся свист" и - "Тогда б по свисту строф, по крику их, по знаку, По крепости тоски" /Пастернак 1965: 126, 174/. Стихогенность же "всхлипов/вопля/рыданий" в Пастернаковской поэтике общеизвестна, если сослаться только на один, уже "хрестоматийный", контекст: "Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд" /Пастернак 1965: 65/.

Не требует лишних доказательств и стихотворность 'брёда', а также 'лихорадки', конститутивная и для ряда стихотворений сборника "Сестра моя - жизнь", если назвать "Тоску", "Зеркало", "Девочку", "Воробьевы горы", "Елене".

Со "взбалмошностью" - 'сунасбродством' разбираемого стихотворения соотнесена и ассоциативная семантика предикатива "гонят с рельс/гонит с рельсов", актуализующая значение фразеологизма "сойти с рельс" - 'нарушая обычный образ жизни, загулять, запить и т.п.'. Семантика 'перехода' и 'перевода' 'на другие рельсы' заключена и в финальной лексеме стихотворения - "стрелочник" - 'тот, кто переводит подвижный состав с одного пути на другой'.

В контексте мотивики 'перевода на другие, сущностные, рельсы' позволительно рассматривать и трансформацию мотива "выплеснутого чая", поддержанную семантикой атрибуции "каждый пятый" в контексте Пастернаковского осмысления понятия "Квинтэссенция" - 'пятая сущность' /Пастернак 1982: 475/, в заключительный мотив "эссенций" /"С крыльца вздохнут эссенции..."/. Его сопряженность с "полотенцами" /"...И бросятся хозяйничать Порывом полотенец"/ имплицитно семантизирует последних в категориях 'полотна/полотнища', на которое и проецируется Пастернаковская "стенопись искусства", и которую варьирует в стихотворении "каменный фундамент" /"Увидят тень орешника На каменном фундаменте? Узнают день, сгоревший С восхода на свиданьи?"/.

'Запечатленная' же "на каменном фундаменте" 'стенопись орешника' напоминает о системной Пастернаковской сопряженности "орешника" с семантикой 'преодоления времени' и перехода во 'вневременное' /см. Фагуло 1988в: 169/.

ЛИТЕРАТУРА

АРУТЮНОВА Н. Д.

1988 Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва.

АФАНАСЬЕВ А. Н.

1982 Древо жизни. Избранные статьи. Москва.

Даль В. ,

1979 Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. Москва

1980 Том 4. Москва.

ИВАНОВ ВЯЧ. ВС. ,

1990 "Сестра моя - жизнь". Фрагменты записей о Борисе Пастернаке. "Литературная газета" № 5 /5279/.

1988 MAJMIESKUŁOW A. /МАЙМЕСКУЛОВ А., "Весна" Пастернака /дескриптивный уровень/. "Dissertationes Slavicae", XIX: Supplementum: Boris Pasternak. Szeged.

1990 Стихотворение Пастернака "Сестра моя - жизнь и сегодня в разливе..." "Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy; Studia Filologiczne 31; Filologia Rosyjska, z. 12: ПОЭТИКА ПАСТЕРНАКА - PASTERNAK'S POETICS, pod red. Anny Majmieskułow. Bydgoszcz.

МУРАТОВ А. Б. ,

1985 Стихотворение А.А. Фета "Шепот, робкое дыханье...". //Анализ одного стихотворения. Межвузовский сборник. Под ред. В.Е. Холшевникова. Ленинград.

ОРЕЛ В. Э. ,

1988 О некоторых славянских и индоевропейских названиях деревьев. // Этимология 1985. Москва.

ПАСТЕРНАК Б. Л. ,

1965 Стихотворения и поэмы. Москва-Ленинград.

1982 Воздушные пути. Проза разных лет. Москва.

1989 Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Москва.

Словарь русского языка в четырех томах.

1981-1984. Москва.

СМИРНОВ И. П. ,

1987 На пути к теории литературы. Amsterdam.

ТЕРНОВСКАЯ О. А.,

1984 Веловство у славян. 2. Бзък /Мухи в голове/. // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. Москва.

UZAREVIC J.,

1990 К проблеме лирического субъекта в лирике Бориса Пастернака. "Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy"; Studia Filologiczne 31; Filologia Rosyjska, z. 12: ПОЭТИКА ПАСТЕРНАКА - PASTERNAK'S POETICS, pod red. Anny Majmieskułow, Bydgoszcz.

FARYNO J. /Фарино Е.,

1987a Литература как "повтор прекращенного повтора". "Wiener Slawistischer Almanach". Band 20. Wien.

1987b Бульвар, собаки, тополя и бабочки /Разбор одной главы "Охранной грамоты" Пастернака/. "Studia Slavica Hungarica", 33/1-4. Budapest.

1987c Археопэтика "Писем из Тулы" Пастернака. "Wiener Slawistischer Almanach". Sonderband 20. Wien.

1988a Иконизм и иконность поэтики Пастернака /Тезисы/. "Musica Antiqua Europae Orientalis". Vol. 2: Acta Slavica. Bydgoszcz.

1988b Некоторые вопросы поэтики Пастернака /"Вечерело. Повсюду ретиво..."/. "Dissertationes Slavicae", XIX: Supplementum: Boris Pasternak. Szeged.

1988c Греческая губка на зеленой скамейке в "Весне" Пастернака. "Dissertationes Slavicae", XIX: Supplementum: Boris Pasternak. Szeged.

1988d Вопросы лингвистической поэтики Цветаевой. "Wiener Slawistischer Almanach". Band 22. Wien.

1988e Паронимия-анаграмма-палиндром в поэтике авангарда. "Wiener Slawistischer Almanach". Band 21. Wien.

1989a Дешифровка. 1. "Russian Literature". XXVI - 1-68. Amsterdam.

1989b Поэтика Пастернака /"Путевые записки" - "Охранная грамота"/. "Wiener Slawistischer Almanach". Sonderband 22. Wien.

1990 Княгиня Столбунова-Энрици и ее сын Евграф /Археопэтика "Доктора Живаго"/. 1. "Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy: Studia Filologiczne 31; Filologia Rosyjska, z. 12: ПОЭТИКА ПАСТЕРНАКА - PASTERNAK'S POETICS, pod red. Anny Majmieskułow. Bydgoszcz.

ФАСМЕР И.,

1986a Этимологический словарь русского языка. Том 1. Москва.

1986в Том 2. Москва.

1987а Том 3. Москва.

1987в Том 4. Москва.

ФЛЕЯШМАН Л.,

1977 Статьи о Пастернаке. Времен.

1981 Борис Пастернак в двадцатые годы. Munchen.

"KAK USYPITELNA ZYZN!..." BORYSA PASTERNAKA

Streszczenie

Kompozycję wiersza organizuje motyw podróży pociągiem, określony przez sytuację fabularną: rozstanie "Ja" lirycznego z ukochaną i jego powrót z południa do Moskwy. Semantyka 'rozstania' koncentruje się w motywie "miażdżenia tęsknoty" i implikuje 'apokaliptyczno-eschatologiczne' konotacje motywiki pociągowej. W sposób jawny kodują je słowa "Otkrowienije" oraz "Apokalipsis", które zapowiadają Pasternakowskie "powtórne narodziny" jako 'narodziny poezji'.

'Poezję/sztukę' ekwiwalentyzują w wierszu 'halucynacje' "Ja", związane z przestrzenią "południa". Motywuje je semantyka 'transu/hipnozy/somnambulizmu', implikowana przez paradygmat predykatory wiersza "koleblet/szatajet/triasiot", który semantyzuje z kolei "usypiający" ruch/rytm "pociągu/życia".